

История

Об урегулировании пограничных вопросов с КНР. (Заметки, навеянные воспоминаниями китайских дипломатов)

© 2012

В. Воробьев

В результате 40-летних переговоров (1964–2004 гг.) между Россией и Китаем были решены все пограничные вопросы на взаимоприемлемой основе. Ратифицированные соглашения 1991, 1994 и 2004 гг. не устанавливали новую границу, а лишь вносили некоторые коррективы в уже существующую и признанную границу. Сегодня мы имеем полностью четко установленную российско-китайскую границу протяженностью в 4300 км.

Ключевые слова: российско-китайская граница, разрешение пограничных споров, договоры и соглашения, политическая воля, пограничные переговоры

Всегда привлекает возможность узнать, как размышляют представители страны-партнера (или оппонента) о тех событиях и делах, свидетелем или непосредственным участником которых они были сами, сопоставляя с высказанным ими собственные оценки и представления.

В пекинском издательстве «Шицзе чжиши» вышли две объемные книги — Чжоу Сяопэя «Чжису чжунхэ гуаньси цинцзи» («Китайско-советские и китайско-российские отношения — личные записи») и Тан Цзясюаня «Цзиньюй юйфэн» («Через штормовые порывы и ветры перемен»). Оба автора — дипломаты-ветераны, уже не состоящие на действительной службе. Чжоу Сяопэй, русист, долго работавший на советском и российском направлениях, а также служивший послом КНР в Украине, Польше и Казахстане. Тан Цзясюань, прошедший много ступеней мидовской карьеры, был министром иностранных дел и членом Госсовета КНР, курирующим в правительстве международные дела.

Данные заметки не являются рецензией или критическим разбором всего того, что написали два китайских деятеля в своих книгах. Они навеяны только одной темой: урегулированием пограничных вопросов между двумя странами. Оба автора уделяют ей много внимания, приоткрывая некоторые моменты, имеющие актуальное значение для понимания современных отношений между двумя странами.

Знания и опыт, полученные за несколько десятилетий дипломатической деятельности, в том числе в 1999–2006 гг. на посту главы российской правительственной делегации на переговорах по пограничным вопросам с Китаем, позволяют мне предло-

жить ряд собственных суждений, не столько в противовес, сколько в связи с тем, о чем написали два уважаемых китайских дипломата.

* * *

Обе книги убедительно и верно показывают, что решение вопросов границы требует скрупулезного учета, выверки и взвешивания множества факторов. Оно становится достижимым мирным способом только при наличии плотной сбалансированной связки этих факторов.

Прежде всего, необходимы присутствие целенаправленной политической воли у руководства соответствующих стран, формирование адекватной резонансной среды в каждой из них, включая совпадающий общественный запрос на решение вопросов границы. Немаловажную роль играют приоритетные векторы внешней политики государств, их самопозиционирование в международном общении.

Что кроется за вопросами границы? Конъюнктурное нагнетание напряженности? Демонстрация недовольства политикой другой стороны? Происки кого-то третьего? Шлейф недопониманий, обид или ущемлений, восходящих к прошлому, порой весьма отдаленному? Бывает по-разному. Но всегда присутствует одно — претензии одной из сторон к существующей границе либо несогласие с ней. Непризнание другой стороной таких претензий делу не помогает. Граница становится «раздражителем» в межгосударственных отношениях.

Вряд ли следует ожидать, что какая-либо страна откажется от своих представлений о собственном историческом пути. Тем более, полностью примет точку зрения на этот счет другого государства. Важно уходить от того, чтобы разноречивые исторические представления и оценки становились предметом большой политики, игрой броских фраз, популистских манипуляций. Особенно уязвима и чувствительна в этом плане пограничная тематика. Ведь граница служит символом суверенности и независимости страны, ее территориального наполнения и целостности.

* * *

На протяжении почти четырехсотлетнего становления и развития российско-китайских отношений, включая советский период, в них можно найти много сложных эпизодов. Отсутствовало одно — крупномасштабный военный конфликт. Что касается границы, то привычные для современного глаза очертания она обрела не так давно — на рубеже XX в., пройдя через неоднократные изменения на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Восприимчиками этих границ стали Советский Союз и Китайская Народная Республика. Бытующее мнение, будто пограничные вопросы между двумя странами возникли из-за раздоров, набравших обороты с начала 1960-х гг., верно лишь отчасти. Тогда они приобрели острые формы, но корни уходят в глубину времени. Так, еще в ходе незавершенных переговоров 1924–1926 гг., которые вели советское правительство и представители тогдашних властей Китая, китайской стороной был поставлен вопрос о полном пересмотре существовавшей границы, а по существу — об установлении ее заново (об этом напоминает Чжоу Сяопэй). Не были секретом высказывания Мао Цзэдуна до прихода компартии к власти в 1949 г., в которых отразилось его недовольство сложившимся российско-китайским размежеванием.

Староимперские стереотипы относительно истории формирования китайского государства и его границ, имевшие густую антироссийскую закваску, всплыли на поверхность в ходе кампании «ста цветов» в 1957–1958 гг. Парадоксальным образом взгляды «правых элементов» стали потом атрибутом левацкой по форме линии КПК, господствовавшей в период «культурной революции». Подобные однобокие мнения распространены в Китае по сей день.

Тем знаменательнее, что переговоры по урегулированию пограничных вопросов, стартовавшие в трудном для двусторонних отношений 1964 году, сумели не погрязнуть в бесплодных сражениях двух «исторических памятей», хотя и отдали им дань, а через 40 лет привели к результатам, равно приемлемым для России и Китая. В этом видится совокупная заслуга обеих сторон и, думается, не стоит заниматься аптекарским взвешиванием, чей вклад больше.

* * *

В процессе урегулирования советско/российско-китайских пограничных проблем принято выделять три переговорных этапа — 1964 г., 1969–1979 гг. и 1987–2004 гг. Каждый из них, внешне обособленный, своеобразно перетекал в последующий. Промежутки были заполнены серьезной аналитической и источниковедческой работой, уточнением подходов, шлифовкой аргументации. При каждом возобновлении диалога обнаруживались новые повороты мысли, оттенки в позициях.

Почему окончательные договоренности были достигнуты только на третьем этапе?

Первые два этапа пришлось на времена, когда позитивные импульсы в двусторонних отношениях либо находились в стадии угасания, либо отсутствовали вовсе. Год 1964-й — это свертывание двусторонних связей и контактов по всем линиям. Отношения стали пленниками жесткой межпартийной полемики по так называемым «идеологическим вопросам». Стремительно расходились векторы международной деятельности двух стран.

Факт, что переговоры все-таки завязались, отражал сохранившееся в Москве и Пекине понимание необходимости удерживать межгосударственные отношения хотя бы в минимальных рамках, тем более что на границе уже пошли стычки. Отказ Н.С. Хрущева санкционировать элементы взаимопонимания, которые обнаружили стороны в Пекине, не выглядит исключительно его сумасбродной прихотью. Импульсивного советского лидера, конечно, «подогрели» высказывания Мао Цзэдуна перед делегацией японских социалистов летом 1964 г. о «территориальном счете в 1,5 млн кв. км», «еще не оплаченном» Советским Союзом (высказывания, правда, не ставшие в Пекине общеизвестным документом).

Речь следует вести о бравшей верх двусторонней тенденции. В этом свете не кажется неожиданным последовавший отказ Мао Цзэдуна от продолжения переговоров. Мао уже занимало другое — Китай только что обрел атомную бомбу, новое руководство СССР в лице Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина он считал политически слабее хрущевского, а внутри страны уже вовсю приступил к подготовке новой политической кампании в целях еще большего самоутверждения в качестве единовластного правителя.

Сейчас уважение и даже удивление вызывает то, что на этом фоне переговорщикам в Пекине в 1964 г. удалось достичь таких компонентов взаимопонимания, которые позволили через много лет добиться впечатляющих результатов.

Во-первых, именно тогда был определен предмет переговоров, а именно: уточнение прохождения линии границы на основе действовавших договоров и соглашений, а не проведение границы заново путем деления территорий. Что это означает? До сих пор имеет хождение точка зрения (ее, например, придерживаются японцы), будто предметом переговоров было определение государственной принадлежности территорий, а прохождение линии границы носило вторичный, подчиненный характер. Прецеденты такого рода имеются в истории российско-китайского разграничения. Например, Айгуньский 1858 г., а затем Пекинский 1860 г. договоры исходили из презумпции деления земель. То есть, имело место переустройство границы, поэтому брались ориентиры, полностью отличающиеся от Нерчинского договора 1689 г.

Вообще при установлении границы приоритетом может выступать политическая целесообразность а не историко-правовые аргументы. Что касается уточнения границы, то оно исходит из ее наличия и неизменности. Конечно, на отдельных участках возможны корректировки ее прохождения, влекущие изменения в принадлежности каких-то земель, но обычно — в небольших масштабах. Именно такова суть соглашений 1991, 1994 и 2004 гг. о границе между двумя странами. То есть спорили не о территориях, а о прохождении линии границы.

Во-вторых, тогда же китайская сторона заявила, что не требует возвращения Китаю («исходя из принципа пролетарского интернационализма», как цитирует Чжоу Сяопэй) тех земель, которые, по ее версии, были «отторгнуты» Россией при размежевании с Китаем (Чжоу Сяопэй насчитывает 19 «неравноправных» договоров). В Пекине, надо признать, и в дальнейшем официально подтверждали, что не претендуют на территории нашей страны. В то же время там по сей день раздаются сетования по поводу громадных кусков земель, отобранных-де «русским медведем» у Китая в прошлом. В этой связи стоит приглядеться, сколь обоснованно отождествлять подобного рода неформальные заявления, а также издаваемые исторические карты с территориальными претензиями, предъявляемыми на государственном уровне?

В-третьих, еще в 1964 г. переговорщики договорились взять за основу старые российско-китайские договоры, хотя и разошлись во мнениях об их исторической характеристике. Не подвергая наличие границы сомнению, обе стороны признали, что на ней существуют такие участки, на которых прохождение линии границы понимается неодинаково (таковых оказалось более 30). Это наглядно выявилось в результате обмена картами, предложенного китайской стороной. Эти участки, собственно, и составили основной предмет для живых и острых дискуссий. Они располагались на всем протяжении советско-китайской границы (примерно 7,5 тыс. км). История их возникновения была разной. Взять, например, Памир — по нему вообще не было договорного разграничения, а существовала «исторически сложившаяся» линия соприкосновения по Сарыкольскому хребту. Большинство островов и почти вся водная поверхность Амура и Уссури оказались под советским контролем вследствие односторонних акций Советского Союза в 1930-е гг. и в 1945 г., а потому границей там служила «фактически охраняемая» линия. В ряде случаев граница в принципе следовала договорным предписаниям, но оказалась проложенной не по тем горным отрогам или вершинам.

В-четвертых, для удобства рассмотрения граница была условно разделена на два больших отрезка — Восточную часть от Монголии до КНДР и Западную часть от Монголии до Афганистана, что сохранялось и впоследствии. Правда, после распада СССР Западная часть российской границы сократилась почти до 60 км — от Монголии до Казахстана.

В-пятых, именно в 1964 г. было согласовано, что на несудоходных пограничных реках граница будет проходить по середине реки или ее главного рукава, а на судоходных реках — по середине их главных фарватеров. Такой способ проведения границы на реках, санкционированный тогдашним советским партийно-государственным руководством, приводил речную границу с Китаем в соответствие с действовавшим советским законодательством. Заявления относительно середины фарватера, прозвучавшие в 1980-х гг., лишь подтверждали преемственность линии, взятой на первом этапе переговоров и отвечавшей наиболее распространенной международной практике.

В-шестых, при рассмотрении Восточной части границы (до Западной части в 1964 г. «руки не дошли») не сложилось единого мнения только по одному участку — району островов при слиянии Амура и Уссури близ Хабаровска. Там позиции сторон настолько разнились, что никакого выхода не просматривалось. Вместе с тем, был согласован по-своему уникальный вариант — подписать рабочие документы, «подвесив» данный участок, то есть, оставив его на дополнительное изучение и обсуждение. Н.С.

Хрущев, придравшись к наличию «окна» или «дырки», занял позицию «все — или ничего», чем торпедировал фиксацию всех элементов достигнутого взаимопонимания и сыграл по существу на руку негативизму Мао Цзэдуна.

Внешняя безрезультатность первого этапа переговоров отнюдь не умаляет первопроходческой значимости проделанной в 1964 г. работы. Намеченные тогда ориентиры оказались востребованными и сыграли впоследствии весомую роль в достижении урегулирования пограничных вопросов.

* * *

Второй этап переговоров пришелся на лихолетье «культурной революции». Двусторонние отношения приобрели совершенно аномальный, политико-пропагандистский характер. Граница, будучи чутким барометром качества отношений, превращалась в арену вооруженных стычек. Во властных структурах Китая возникло двуцентрие — «пролетарский штаб» во главе с Мао Цзэдуном, выступавший от имени ЦК КПК, и дезорганизованное, включая МИД, правительство, кое-как удерживаемое премьером Чжоу Эньлаем. Расположение по стране анархо-разрушительных элементов и факторов было чревато реальной угрозой перекинуться из Китая вовне. Советское руководство не могло на это не реагировать и было вынуждено спешно принимать меры к недопущению и пресечению провокационных вылазок для удерживания ситуации на границе под контролем.

Два кровавых боестолкновения с большими жертвами с обеих сторон весной 1969 г. на острове Даманском, находящимся прямо над китайским берегом реки Уссури, и вооруженная стычка в районе Жаланащоль (Казахстан) в августе того же года высветили тонкую грань, за которой просматривалась бездна конфликта, чреватого самыми отрицательными геополитическими последствиями для обеих стран. События, судя по всему, подтолкнули китайское руководство к отходу от наиболее радикальных установок стартового периода «культурной революции». Вместо хунвэйбиновского лозунга «пронесем знамя «культурной революции» по всему миру!» стало намечаться заигрывание с США — Китай по существу предлагал Америке признать его партнером в целях сдерживания СССР, который демонстративно был утвержден в Пекине в качестве «врага № 1».

Новое позиционирование Китая подразумевало такой способ соседства с Советским Союзом, который в рамках конфронтационной парадигмы позволял бы не «перегибать палку» и допускал крайне дозированной «разморозку» отношений в зависимости от обстоятельств. Битва политических машин продолжалась, но вероятность вооруженного столкновения становилась не столь острой.

Эта модель продержалась свыше 10 лет. Два премьера — А.Н. Косыгин и Чжоу Эньлай, встретившись в пекинском аэропорту осенью 1969 г., договорились о трех вещах: вернуть в столицы послов, которые уже более трех лет там отсутствовали; поискать резервы для оживления взаимной торговли; принять меры к сдержанности на границе и возратиться за стол переговоров по пограничным вопросам. Правда, интерпретация некоторых реплик, которыми обменялись премьеры, оказалась неодинаковой, что выяснилось вскоре из переписки и за переговорным столом.

Был ли второй этап переговоров, начавшийся в октябре 1969 г., «диалогом глухих»? С точки зрения достижения их конечной цели, он может показаться бесплодным. Однако в плане приближения к ней дискуссии не были пустопорожными.

Наши переговорщики постоянно пытались «вырулить» на обсуждение вопросов прохождения линии границы. Но не это занимало китайскую делегацию. Ей явно приходилось оглядываться, прежде всего, на господствовавшие в стране установки, настроения и даже на необходимость выживания (подчас физического) во внутривнутриполитическом сумбуре.

Такой переговорный фон, думается, не допускал реального прогресса даже по «околопограничным» темам, на которых китайская сторона стала настаивать в качестве приоритетных. Во-первых, это был знакомый призыв к Советскому Союзу признать «неравноправными» старые российско-китайские договоры, касающиеся границы, что, естественно, не могло служить сближению позиций.

Во-вторых, китайской стороной была разыграна концепция «спорных районов», делавшая границу фактически «решетчатой» по всей длине. Откуда они появились? «Спорными» были названы пространства между двумя линиями на участках границы, где в 1964 г. выявились расхождения в ее показе. Поскольку все они оказались по советскую сторону, ставился вопрос о выводе советских вооруженных сил из таких районов до решения о том, как пройдет там граница. Уточнение прохождения линии границы на ее спорных участках, таким образом, подменялось определением правового статуса ряда мест на территории соседнего государства.

По китайской версии, А.Н. Косыгин на встрече с Чжоу Эньлаем, не возражал против идеи «спорных районов». Было ли это так? Известно, что А.Н. Косыгин остановил китайского коллегу, когда тот, нанеся несколько штрихов на бумагу, начал вдаваться в пояснения, и отметил, что принимает сказанное о «спорных районах» к сведению, но дело специалистов подробно разобраться в данном вопросе. Проведенный затем в Москве анализ обнажил подводные камни и контрпродуктивность идеи, что определило наш подход к ней.

Как верно подмечает Чжоу Сяопэй, нередко схожие термины и понятия передаются на русском и китайском языках так, что возникают смысловые оттенки или различия. Сверки записей беседы в пекинском аэропорту не проводились, в них вполне могли иметь место разночтения.

Параллельно китайская сторона настаивала на принятии отдельного документа о сохранении статус-кво на границе. Суть понятия Чжоу Эньлай коротко, но образно описывал А.Н. Косыгину примерно так: вы остаетесь там, где находитесь, мы поступаем таким же манером. Само по себе это могло выглядеть рационально, но в сочетании с концепцией «спорных районов» смотрелось двусмысленно. Так или иначе, переход к рассмотрению самой границы неопределенно затягивался.

В третьих, китайская сторона выдвинула тезис о «нависшей советской угрозе», о «советской атомной бомбе над столом переговоров». Верило ли китайское руководство в то, о чем заявляло? Может быть, в какой-то мере опасения у него были. В прилегавших к Китаю регионах, которые до того были относительно слабо прикрыты, происходило усиление советского военного присутствия. По согласованию с Улан-Батором этот процесс затронул и Монголию. Существовала ли в реальности угроза применения силы со стороны Советского Союза, «ядерной кастрации» Китая? Безусловно, нет. Предпринимались превентивно-сдерживающие меры, которые, надо признать, ложились непомерным грузом на советскую экономику и финансы, особенно с учетом традиционно очень сложной и обременительной ситуации для СССР на евроатлантическом направлении.

Китайские «три препятствия» не позволили второму этапу переговоров хотя бы воспроизвести те рабочие договоренности, которые наметились на первом этапе. После ухода из жизни в 1976 г. Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая инерция культивирования вражды с Советским Союзом сохранялась еще несколько лет. Так, Пекин предпочел освободиться в 1979 г. от декорума переговоров по границе, заявить о непродлении действия союзного Договора 1950 г., наклониться в сторону сближения с США и вообще с Западом, затеять вооруженный конфликт с Вьетнамом.

Перед лицом разгула в Китае антисоветских и антироссийских идейно-исторических нагромождений Москва развернула собственную контригру, во многом принявшую зеркальный характер. В качестве господствующего продвигался тезис об аг-

рессивно-экспансионистской сущности китайского государства с древнейших времен и о грабительско-деспотическом характере его отношений со всеми соседними племенными и государственными образованиями. Доминирующие позиции заняла такая версия истории образования современного китайского государства и его границ, которая в стилистике «отпора» противостояла во всех аспектах принятой в Китае.

* * *

Третий этап переговоров, длившийся с 1987 по 2004 гг., стартовал на подъеме волны нормализации двусторонних отношений и смотрелся показателем серьезности позитивных перемен в них. На этот раз налицо было необходимое совпадение основных определяющих факторов как для реального движения к решению вопросов границы, так и в плане согласованности технологических подходов к этому сложному делу. Последовательность лидеров — с нашей стороны М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, а с китайской Дэн Сяопина, Цзян Цзэмина, Ху Цзиньтао — неуклонно и эффективно обеспечивала курс на полное снятие пограничных вопросов с повестки дня двусторонних отношений, на спокойное и конструктивное их рассмотрение.

То, как начались и шли переговоры, разительно контрастировало со вторым их этапом. Договороспособность с обеих сторон можно назвать высокой, равно как и нацеленность на получение результата. Хотя, конечно, не обходилось без недоразумений, периодического топтания на месте. Распад Советского Союза в 1991 г. потребовал срочного поиска нового формата переговорного механизма. Создание уникальной конструкции в виде совместной делегации России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, ставших самостоятельными государствами, позволило быстро и безболезненно преодолеть эту проблему. Каждый ее участник решал свои пограничные вопросы с Китаем полностью самостоятельно. Россия же помогала новообразованным среднеазиатским странам консультациями, архивными материалами. Согласие Китая на такой способ ведения переговоров еще раз продемонстрировал его реальную заинтересованность в урегулировании пограничных вопросов, теперь уже с наследниками Советского Союза.

Что касается характеристик старых российско-китайских договоров о границе, то дискуссии были переведены из сферы политики в область исторических изысканий. Договоры стали единственной основой для конкретного и тщательного сопоставления взглядов по каждому километру границы. Вбрасываемая иногда идея объявить эти договоры недействительными, каков бы ни был предлог, лишала бы нынешнюю российско-китайскую границу исторической преемственности, придавая ей вид абсолютного «новодела», чего нет в реальности. Это выглядело бы пересмотром постфактум предмета переговоров в том виде, как его понимали и отстаивали на всех этапах наши переговорщики. К тому же такой подход неизбежно был бы чреват новым всплеском полемики с КНР в политическом формате и поставил бы под сомнение результаты урегулирования пограничных вопросов между Китаем и его среднеазиатскими соседями.

Проект Соглашения о границе на ее Восточной части, на который к 1991 г. вышли советская и китайская делегации, принципиально опирался на рабочие договоренности первого этапа переговоров. Повторилась ситуация с «окном» по району островов близ Хабаровска и образовалось еще одно — по острову Большой в верховьях Аргуни. К тому времени стороны «прошлись» по Западной части границы от Монголии до Афганистана. Целый ряд участков там, прежде всего Памир, оказались «подвешенными» в силу серьезных разногласий (впоследствии этими вопросами занялись среднеазиатские страны). В этих обстоятельствах стороны решили пойти на новый, по-своему беспрецедентный шаг — юридически зафиксировать то, что было согласовано относительно Восточной части, продолжать работу по оставшимся вопросам. Такой подход позволил России и Китаю приступить к обозначению границы на местности. В 1994 г. было заключено соглашение о Западной части российско-китайской границы от Монголии до Казах-

стана. Таким образом было уточнено, определено и договорным образом оформлено прохождение российско-китайской границы на более чем 98% ее общей почти 4300-километровой протяженности.

По отношению к Пекинскому договору 1860 г., установившему границу между царской Россией и императорским Китаем, соглашения 1991 и 1994 гг. ни в чем не меняли заложенных в нем ориентиров для разграничения. Новым можно считать то, что Соглашение 1991 г. впервые в истории делило межбереговые речные пространства на Амуре и Уссури. Принцип середины главного фарватера позволил по итогам демаркации впервые совместно распределить острова, сообразуясь с тем, как распорядилась природа. Российско-китайская граница обрела ясность и четкость как политически, так и географически, в показе на местности.

Район островов близ Хабаровска дважды выводился за скобки договоренностей о границе, хотя неизменно находился в фокусе дискуссии. Китайская делегация при возобновлении переговоров в 1987 г. отнесла его к разряду «ключевых». Тан Цзясюань в своих мемуарах называет его «костью в горле» или «крепким орешком». Это не только образное сравнение, но отражение существа проблемы.

Во-первых, в Китае данному району придавали и придают особое значение, отмечая расположение в нем крайней восточной точки территории государства. Для обеих стран очевидна важность перехода с Амура на Уссури и обратно, используемых в качестве грузо-пассажирских артерий. Для России стратегическая ценность района определяется тем, что по правому высокому берегу тянется крупнейший российский дальневосточный город Хабаровск, который частично давно уже перекинулся на островные территории.

Во-вторых, острова, получившие нынешние имена Тарабаров и Большой Уссурийский только в начале 1920-х гг. от известного военного деятеля В.И. Блюхера, а до того не имевшие самостоятельных названий среди местного русского населения, были одними из первых на Амуре и Уссури среди взятых под контроль СССР в 1930-х гг. В Китае этот речной архипелаг издавна был известен под общим названием Хэйсяцзыдао, причем все его крупные составляющие имели собственные названия. Китай делает упор на то, что на месте Хабаровска, отсчитывающего свою биографию с 1858–1860 гг., с давних времен располагалось военно-сторожевое поселение Боли, через которое Пекин осуществлял управление и взимание налогов с аборигенного населения (коренным китайцам-ханьцам законом не разрешалось селиться за Великой стеной до последней четверти XIX в.).

В-третьих, подобно всем островам на Амуре, они не упоминались в Пекинском договоре 1860 г. и не имели определенного юридического статуса принадлежности. К тому же, как обнаружилось на рубеже XX в., в Китае тамошний ландшафт «понимали» отличным от российского «прочтения» образом. Это не играло заметной роли вплоть до осознания обеими сторонами важного коммуникационного и оборонного значения места слияния Амура и Уссури.

У нас принято считать, что острова составляют пойму реки Амур и лежат между двумя ее неравнозначными рукавами, в один из которых — не главный — примерно в его середине впадает Уссури. Китайцы не видят раздвоения Амура на рукава. Они считают Амуром только его основное русло, а часть второго рукава — нижним течением Уссури, завершающимся ее впадением непосредственно в Амур. Другую же часть рукава рассматривают как самостоятельную протоку, пролегающую между двумя реками. Что предусматривает Пекинский договор 1860 г., который установил существующую и поныне границу на Дальнем Востоке?

Во-первых, он определял, где чья территория, и во-вторых, давал граничные ориентиры (в обоих случаях можно видеть радикальный пересмотр предыдущего Нерчинского договора 1689 г.). Недвусмысленно указывалось, что земли двух государств отмериваются от соответствующих берегов Амура и Уссури и только от них. Водное

пространство этих рек не делилось, острова и протоки в тексте не фигурировали. Говорилось, что граница пойдет вниз по течению Амура до места слияния с рекой Уссури и от ее устья вверх по течению.

Что из всего этого вытекает?

Юридически межбереговое водное пространство обеих рек с островами не могло принадлежать ни одной из договаривающихся сторон, и линия границы по этому пространству никак не могла быть ими проложена. С современной точки зрения, такой способ установления границы создает казус наличия как бы двух линий границы по берегам и ничейной зоны между ними. Но по канонам времен разработки Пекинского договора было принято принимать за разграничение всю ширину реки от берега до берега (кстати, российских и международных прецедентов такого рода много, причем уходящих в гораздо более давние эпохи).

Как относиться к карте, упомянутой в договоре? Карта, будучи приложением, может выступать только в роли наглядной иллюстрации того, что записано в тексте договора. Она не должна ему противоречить, не может рассматриваться в качестве отдельного документа, имеющего самостоятельное значение, тем более ставиться выше договорного текста. При любом расхождении карты с текстом безусловный приоритет за текстом — таков неукоснительный и строго соблюдаемый принцип толкования международных договоров. Красная черта, которой показана граница на карте 1860 г., очень похожа на применение картографического приема, согласно которому красным цветом для большей наглядности обводится территория соседней страны. Такой картографический прием применяется и в наши дни. Если взять свежую карту Забайкальского края (2009 г.) или карту «Окрестности Хабаровска» (2009 г.), то на последней имеется обозначение границы посередине главного фарватера и красным выделен китайский берег, в том числе на островах Тарабаров и Большой Уссурийский.

На карте красная черта соединяет поименованные в договоре знаковые точки, привязанные к китайскому берегу рек Амур и Уссури. Учитывая масштаб карты, красная черта не могла не оказаться прижатой к китайскому берегу. Она давала наглядный контур пределов китайской территории, что соответствовало тексту договора.

В Китае красную черту не признавали линией разграничения по Амуру и Уссури, там «не видели» указания договора об отсчете земель от речных берегов, предъявляя претензии на острова, пусть даже под «историческим» предлогом.

У нас, особенно в связи с событиями на острове Даманский, укоренилась точка зрения, согласно которой красная черта на договорной карте показывает реальное местоположение линии границы на Амуре и Уссури. Мнение это родилось в недрах НКВД СССР в начале 1930-х годов в качестве юридической ссылки для обоснования взятия Советским Союзом под свой контроль большого количества островов и практически всей водной поверхности на указанных реках — меры односторонней, вынужденной и в целом оправданной перед лицом японского продвижения на север Китая, но оставшейся неоформленной в международно-правовом порядке. Длительный период охраны именно этой линии и контроля над речными островами сформировал внутри страны убеждение в том, что Китай посягает на наши «исконные земли». В любом изменении сложившегося положения, даже в принятии принципа середины главного фарватера, стали усматривать односторонние уступки с нашей стороны, необоснованный отказ в пользу Китая от части собственной территории.

Отсутствие в Пекинском договоре описания «места слияния» Амура и Уссури, неодинаковая интерпретация местоположения устья Уссури и красной черты на договорной карте заводили в тупик поиск развязки на основе принципа середины главного фарватера. У нас получалось, что эти середины не смыкаются, а у китайцев — наоборот. Правда, несмотря на остроту дискуссий, каких-либо вооруженных столкновений в этом районе не отмечалось.

Собираясь подписать в начале XXI в. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, чтобы закрепить новое качество двусторонних отношений, для которых характерными стали не просто взаимное доверие, а высокая степень стратегической доверительности, В.В. Путин и Цзян Цзэминь ориентировали переговорный процесс на поиск нетривиальных развязок, с тем чтобы закрыть оба «окна» в разумно короткие сроки. Так завязалась новая фаза третьего этапа переговоров, ставшая заключительной для всего переговорного марафона и приведшая к договоренностям, зафиксированным в Пекине 14 октября 2004 г. Тан Цзясюань, пожалуй, впервые дает весьма объемное представление о хронологии и основном содержании этой фазы дискуссий.

Действиям каждой из сторон была присуща большая осмотрительность. Переговоры походили на обмен зондажными намеками. С учетом всех обстоятельств была усилена конфиденциальность. Практически о каждом появившемся нюансе докладывалось на «самый верх». Направляющую роль играли контакты министров иностранных дел, которые были уполномочены контролировать любое движение на переговорах.

Подразумевалось, что искомое нетрафаретное решение должно вписываться в принципы Соглашения 1991 г. о границе на ее Восточной части. Получившийся вариант принципиально отвечает этому требованию. Он исходит из понимания «места слияния» Амура и Уссури как некоего пространства, охватывающего весь речной архипелаг. Разграничение в районе островов соблюдает правило середины главного фарватера рек Амур и Уссури. Чтобы попасть с середины главного фарватера одной реки на другую, линия границы пересекла остров Большой Уссурийский. Схожим образом был решен вопрос о границе в районе незаселенного болотистого острова Большой в верховьях несудоходной Аргуни, где стороны также не сходились в трактовке топографии местности. В результате островные территории в обоих случаях распределились между двумя странами примерно пополам.

По Пекинскому договору 1860 г. ни Россия, ни Китай юридически не владели островами на пограничных Амуре и Уссури. Поэтому они не могли ни утратить «свои» островные территории, ни передать их другой стороне. В результате распределения островов в соответствии с принципом середины главного фарватера правомерно, думается, говорить о прямо противоположном. По соглашениям 1991 и 2004 гг. Россия и Китай получили и официально закрепили приращения своих территорий как результат успешного использования исторического шанса для полного урегулирования вопросов о границе между двумя странами.